Л. Г. БАРАГ

О РЕАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЯХ КОМЕДИИ «БРИГАДИР»

К обеим фонвизинским комедиям — и к «Бригадиру» (1769), и к «Недорослю» (1782) — восходит специфически русский тип комедии, проникнутой гражданским пафосом, в которой острые проблемы решаются в бытовом плане, пороки сатирических персонажей являются живым воплощением социальных уродств, а смешное правдиво сочетается с грустным. «В произведениях этого писателя, — говорил о Фонвизине Герцен, — впервые выявилось демоническое начало сарказма и негодования, которому суждено было с тех пор пронизать всю русскую литературу, став в ней господствующей тенденцией».[1] Если это вполне учитывается в новейших статьях и исследованиях о самой выдающейся пьесе Фонвизина «Недоросль», это не получило еще достаточно определенного раскрытия в анализе «Бригадира».

Распространено мнение, что Фонвизин осложняет принципы классицистической драматургии «элементами бытовой драмы в духе Лукина, чем и придает „Бригадиру“ подчеркнутый национальный колорит».[2] Согласно же другому утверждению, которое более справедливо, но осталось не обоснованным, комедия «Бригадир» «заняла полемическую позицию по отношению к чувствительным комедиям».[3]

Формирование реалистического стиля национальной комедии в ряде европейских стран и, в частности, в России второй половины XVIII в. связано с некоторым возрождением и развитием мольеровской традиции беспощадного осмеяния социальных пороков в лице характерных представителей современного общества. От этих боевых комедийных традиций отступали Детуш, Лашоссе,

---

[1] А. И. Герцен, Собр. соч. в 30 томах, т. VII, Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 189.

[2] С. С. Данилов. Очерки по истории русского драматического театра. Изд. «Искусство», М.—Л., 1948, стр. 137.

[3] В. Н. Всеволодский-Гернгросс. Фонвизин-драматург. Учпедгиз, М., 1960, стр. 34.

их русский последователь В. И. Лукин и другие авторы так называемых чувствительных комедий. Морально-дидактическая направленность превалировала в них над социальной, подлинно комедийное начало подавлялось сентиментальной патетикой.

Первая самобытная русская комедия «Бригадир» (1769) непосредственно подготовлена достижениями, очень ограниченными, сумароковской комедиографии. Но молодой Фонвизин талантливо преодолевал схематизм и статичность ранних «портретных» комедий А. П. Сумарокова. Вместе с тем живительная веселость и сатирическая соль «Бригадира» противостояли назидательности лукинского «Мота, любовью исправленного» (1765) — новой для русского зрителя воспитательной комедии, где раскаяние заблудившегося добросердечного молодого человека и другие «жалостные явления» слабо спаяны с комическими эпизодами, главные образы бесцветны, а бледный, шероховатый слог не чужд выспренности.

В «Бригадире» юмор имеет так много оттенков и такую широкую обличительную направленность, как ни в одной из предшествующих русских комедий. Замечательна в этом отношении сценка объяснения Советника с Бригадиршей (действие II, явл. 3): Фонвизин смеется не только над лицемерием похотливого святоши-крючкотворца и бестолковостью жадной до денег помещицы-скопидомки. Его задорный, язвительный смех обрушивается также на фальшивое благочестие и казуистику духовных пастырей, проповедников и исповедников, которых ярко напоминает начитанный в церковных книгах Советник, когда витиевато разглагольствует о дьявольском искушении и вечных муках, домогается исповедания в грехах и смиренно просит согрешить и покаяться. «Замысловатые шутки» оборачиваются здесь дерзновенной пародией на священные тексты. Недовольный тем, что, читая Фонвизина, «от смеха мрём», бездарный стихотворец А. С. Хвостов в своем «Послании» автору «Бригадира» издевательски намекал на недозволенность остроумия «на божий счет»: «А ты часть Библии в комедию вместил, да зрят на божий щёт на свете все языки, — Советники у нас как хитры и велики».[4]

В привлекшей современников «легкостью и приятностью изображения» комедии «Бригадир» сказался не менее печальный, чем в «Послании к слугам», взгляд писателя-просветителя на произвол и несправедливость, царившие в стране. Тщетно добивается «в учрежденных местах» своего законного права Добролюбов, пока вдруг не приходит ему на помощь «Вышнее правосудие». Иллюзорность такого исхода подчеркивается репликой многоопытного Советника: «У нас была пословица: „до бога высоко, до царя далеко“» (действие III, явл. 6). В финале, отличающемся стреми-

---

[4] Это «Послание» опубликовано впервые в 1848 г. П. А. Вяземским в приложении к его книге «Фонвизин» (СПб., 1848, стр. 330—333).

тельностью действия, Фонвизин иронически оценивал забавную безнаказанность социальных уродов, но не тешил зрителей надеждой на их исправимость. Ирония автора получает свое кульминационное выражение именно в развязке, когда Бригадир с Советником пытаются разнять Советницу и Иванушку, крича в отчаяньи: «Куды, собака?», «Куды, проклятая! о господи!» (действие V, явл. 4). Только один Советник в конце концов «кается», но он и раньше считал, что «все грешны человецы», и его последние сетования на грехи и свою «геену» — Советницу густо окрашивает фонвизинская усмешка. Обращаясь к разуму, автор заставлял вместе с собою беспокойно задуматься умного зрителя: «Ты хочешь здешние обычаи исправить; ты хочешь дураков в России поубавить, и хочешь убавлять ты их в такие дни, когда со всех сторон стекаются они. . .» («К своему уму»).

Комедия Хольберга «Жан де Франс, или Ханс Франдсен», переделанная И. П. Елагиным в пьесу «Жан де Моле, или Русский-француз» (1765), в какой-то, весьма ограниченной мере, перекликается и с оригинальной комедией «Бригадир». Принципиальное отличие фонвизинской комедии от хольберговской заключается в том, что она направлена против «здешних обычаев». Дурак-французоман, который у Хольберга выглядит в среде добродушных бюргеров белой вороной и после своего посрамления мнимой мадам Лефлеш (переодетой горничной) убирается восвояси обратно в Париж, у Фонвизина, напротив, чувствует себя на родине, как рыба в воде. Парижане «декларировали» свою «радость» по поводу прибытия в их город русского щеголя «чрезвычайным смехом», а Бригадирша «без ума от радости», что «бог привел на старости видеть Иванушку с таким разумом». Советница же «не родная ему, но от слов его в восторге» (действие III, явл. 3).

Иванушка не просто смешной глупец — он гнусен своей бесчеловечностью и антипатриотизмом. Но не только этим определяется социальная заостренность фонвизинской критики воспитания, чуждая комедии Хольберга-Елагина и другой тогдашней пьесе — «Россияне, возвратившиеся из Франции» А. Г. Карина. Борьба, которую ведет Фонвизин в «Бригадире» против французомании, неотделима от обличения дикого невежества, самодурства, хищничества провинциального и столичного дворянства и чиновного «крапивного племени», что отнюдь не соответствовало екатерининской концепции критики «русских французов» (журнал «Всякая всячина»). Автор «Бригадира» как бы нащупывает общие социальные корни пороков всех сатирических персонажей своей комедии.

Ненависть к истинному просвещению, высказываемая каждым сатирическим персонажем в 1-м явлении I действия, и отсутствие гражданского самосознания объединяют их. Ивана, Бригадира, Бригадиршу, Советника и Советницу породила одна и та же среда. Очень определенно охарактеризовала ее Советница: «Все соседи

наши такие неучи, такие скоты... прямо свиньи» (действие I, явл. 3). Заметим кстати, что в «Бригадире» отрицательное в жизни и в характерах людей получает наиболее полную и острую оценку со стороны неположительных персонажей, которые подмечают недостатки друг друга. Это ведет к ограничению роли Добролюбова и Софьи — идеальных новых людей, чего нельзя сказать, например, о положительных героях Лиебхольде и Лизабет в комедии «Жан де Франс»: у Хольберга и Елагина вне среды, беспочвенным, оказывается наглый французоман, и только. Достоевский справедливо видел в данной особенности «Бригадира» реалистическое начало. Почему «дура Бригадирша», а не умная, образованная Софья с чувством подлинной душевной боли сказала горькую правду об окружающей среде, о подобном Бригадиру капитане Гвоздилове, приноровившемся «ни за что-нибудь» «гвоздить жену». Потому, отвечает великий реалист-психолог XIX в., что Фонвизин «побоялся и даже художественно невозможным почел, чтоб такая фраза из уст благовоспитанной по-оранжерейному Софьи выскочила, и почел как бы натуральнее, чтобы ее изрекла простая глупая баба».[5] Достоевский считал самым замечательным то, как отпарировала простая баба просьбу чувствительной Софьи не рассказывать «о том, что возмущает человечество»: «Вот, матушка, ты и *слушать* об этом не хочешь, каково ж было *терпеть* капитанше?» (действие IV, явл. 2). «Это удивительное репарти (сиречь отповедь) у Фонвизина, и нет ничего у него метче, гуманнее ... и нечаяннее».[6] Однако «нечаянная» отповедь неслучайна. Бригадирша «всего нагляделась», ей самой пришлось «таскаться по походам без жалованья», «отвечать дома за то, чем в строю мужа раздразнили» (действие I, явл. 1). Кому же, как не ей, лучше знать среду гвоздиловых и сочувствовать капитанше? В этом есть логика, продиктованная тем, что Фонвизин, отступая от классицизма, рисует Акулину Тимофеевну в ее непосредственном бытовом облике, который живо напоминает других офицерш — современных автору русских женщин.

Разумеется, сколько-нибудь полного ощущения среды образы комедии «Бригадир» не дают, но недооценивать в ней зачатки реалистического изображения общественных обстоятельств нельзя.

Иван — «достойный» сын своих родителей. Воспитание в пансионе французского кучера и пребывание в Париже только довели до крайности уродливые черты его облика, сближающие Иванушку со всеми другими сатирическими персонажами комедии. Презирающая Россию и все русское Советница во многом под стать ему и даже «знает все французские слова», хотя и «не была в Париже». Заносчивый Иван, который безмерно горд тем, что побывал в Париже и теперь его «душа принадлежит короне фран-

[5] Ф. М. Достоевский, Собр. соч., т. 4, Гослитиздат, М., 1956, стр. 77.
[6] Там же, стр. 78.

цузской», сталкивается со столь же спесивым отцом, бравирующим тем, что он «от армии бригадир». Тупое непонимание Иваном действительного смысла смеха, которым встречали его парижане, сродни глупости Бригадирши, не способной уразуметь предложения Советника. Аморализм, проявляемый Иваном в его рассуждениях о ненужности каких-либо родственных чувств к родителям, соответствует гнусности слов и дел хищного Советника и бессердечию Бригадира, сетующего на то, что его супруга «зажилась», хотя он действительно «больше хочет ей добра», чем Иван им обеим.

Автор «Бригадира» явно дает понять, что грубость и жестокость Бригадира — это следствие той муштры, которой подвергался он сам с юных лет (ему «еще до бригадирства распроломали голову»). Забитость и скопидомство Бригадирши связаны с тем, что ей приходилось подвергаться побоям и издевательствам, терпеть нужду. Черты Советника коренятся в его темном прошлом, реплики о котором рассеяны по всей пьесе. Поведение же Советницы определяется тем, что у нее, пустоголовой столичной щеголихи, «страждущей в деревне» от старого мужа-сутяги, «нет ничего комоднее свободы».

Сквозь перипетии мелкой прерывистой интриги, не имеющей основного значения для раскрытия образов, в «Бригадире» просвечивает жизнь за стенами дома Советника, прорываются даже элементы политической сатиры. Примечателен эпизод, в котором Бригадир угрожает, что за дурачества «надлежит по нашему военному уставу прогнать спицрутенами» и что он может «влепить в спину сотни две палок». Иван, отвечая, приоткрывает завесу над его рьяной «военной» деятельностью по части экзекуций: «Батюшка! всё кажется вам, будто вы стоите перед фрунтом и командуете» (действие III, явл. 1).

Сатирический образ Бригадира лишен карикатурности и, как отметил Н. Г. Чернышевский, «выдержан верно в продолжение всей пьесы».[7] Отдаленно предвосхищая социально-психологическую обрисовку типов начальственных солдафонов в комедиях Грибоедова и Гоголя, Фонвизин показывает наряду с самодурством Бригадира его честную прямоту, наряду со спесью — чувство достоинства, наряду с узостью мысли — остроумную язвительность.

В образе Бригадирши живо сочетаются черты глупой помещицы-скряги, любящей матери, слепо преданной сыну, и несчастной женщины, угнетенной мужем. Отсюда естественные переходы от смешного к трогательному. Они имеют гуманистическую основу, которая получит в «Недоросле» и позднее, в литературе XIX столетия, более глубокое развитие.

---

[7] Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. II, Гослитиздат, М., 1949, стр. 799.

Сатирическая соль рассыпана автором «Бригадира» неравномерно — больше всего ее достается Советнику, к которому автор питает ненависть. К Советнику и Иванушке относится особенно много «острых слов». Из отточенных, ярких, живых диалогов пьесы они перешли в разговорную речь зрителей. В своем «Чистосердечном признании» Фонвизин отметил, ссылаясь на рассказ знакомого: «Весь Петербург наполнен моею комедией, из которой многие острые слова употребляются уже в беседах». Стали крылатыми, например, такие реплики Советницы и Бригадирши: «Муж мой — прямая приказная строка»; «за рубль рада вытерпеть горячку с пятнами»; «бог столько комплезан, что за всенощную простит ему то, что он днем наворовал»; «иное говорит он, кажется, по-русски, а я, как умереть, ни слова не разумею».

Высказывания Н. И. Новикова о «критике на лицо»[8] и о необходимости следования Мольеру в обличении порочных современников «во всяком звании», «не взирая на лица»,[9] согласовались с позицией Фонвизина. Он был сотрудником новиковских журналов, образы и отдельные эпизоды его комедии, положительно оцененной на страницах «Трутня» и «Пустомели», не только находят соответствие в произведениях журнальной сатиры, но глубоко с ними связаны. Трудами П. Н. Беркова и других литературоведов установлено, что Фонвизину принадлежит ряд лучших сатирических статей в «Трутне» и «Живописце». Однако авторство Фонвизина-журналиста раскрыто только частично. Сложность взаимосвязи «Бригадира» с сатирической журналистикой еще недостаточно исследована.

В первом явлении комедии Советник делает колкий намек на В. И. Лукина — сочинителя из «исправных секретарей», который не в ладу с грамматикой.[10] Это совсем в духе нападок на автора «Мота, любовью исправленного» в ряде статей «Трутня» и «Смеси». Причем установлено, что одна из таких статей «Трутня» (1769, лист III—IV) написана Фонвизиным.[11] Лукин, именуемый в «Трутне» Начеркалом, ответил не только на нападки журнала, но стал также поносить «Бригадира» — «новую комедию», направленную против него.[12] Следовательно, «Бригадир» включился в полемику, в которой Фонвизин принимал участие; приемы журналистики переносились в пьесу.

В первом явлении II действия Советник, отрешенный от судейской должности, мечтает в своем, нажитом путем лихоимства, поместье о том, как прибрать к рукам соседние деревеньки: «Дере-

---

[8] «Трутень», 1769, лист XXV, стр. 193—199.

[9] «Живописец», 1772, ч. I, лист I, стр. 6.

[10] В примечаниях к первому тому собрания сочинений Д. И. Фонвизина (Гослитиздат, М.—Л., 1959) эти слова Советника не комментируются.

[11] П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 257.

[12] См.: «Трутень», 1769, лист XXIII, стр. 184.

веньки у него изрядные ... я примусь за правление деревень его». Этот же мотив развивается осенью 1769 г. в журнале «Трутень» (листы XVIII, XXIII).

В мае 1769 г., когда был закончен «Бригадир», в «Трутне» появилось пародийное сатирическое письмо чиновного дяди, нажившегося во время своего воеводства, племяннику (лист II). В этом письме дано недвусмысленное разъяснение слов фонвизинской Советницы, имеющих благонамеренную видимость: «Муж мой пошел в отставку в том году, как вышел указ о лихоимстве» (т. е. в 1762 г.). Дядя пишет по этому поводу то, что вытекает из содержания комедии, но прямо там не сказано: «А тогда, как мы наживемся, хотя и попросят, так беда будет не велика, отрешат от дел и велят жить в своих деревнях».

Тщательный сравнительный анализ «Бригадира» и писем дяди к племяннику во II и XV листах «Трутня» за 1769 г., а также бесспорно фонвизинских журнальных сатирических произведений приводит нас к выводу, что данные сатирические письма и комедию «Бригадир», совпадающие текстуально и подобные друг другу в стилистическом отношении, мог написать только один, очень талантливый автор.[13] Высказанные не так давно В. Н. Всеволодским-Гернгроссом предположения и догадки о позднейшем происхождении образа бригадирского сына Ивана, жалоб Бригадирши на свою долю и о постепенном уменьшении, уравнении роли Бригадирши с другими ролями, об ослаблении Фонвизиным в последней редакции сатирико-обличительного тона комедии[14] ничем не аргументируются, если не считать сопоставления окончательной редакции «Бригадира» с вариантом, опубликованным в «Материалах» Н. С. Тихонравова. Но разночтения, которые при этом обнаруживаются, незначительны; пространные рассуждения Добролюбова (действие III, явл. 6) в тихонравовском варианте, вопреки утверждению В. Н. Всеволодского-Гернгросса, не отличаются большей остротой, чем соответствующий эпизод в каноническом тексте.

В качестве вывода следует сказать, что реалистические тенденции комедии «Бригадир» заслуживают дальнейшего изучения. Оно должно дать ответ на сложные, интересные вопросы.

---

[13] П. Н. Берков указал, что эти письма нет оснований приписывать М. И. Попову, но вопроса о Фонвизине не поставил. См.: Сатирические журналы Н. И. Новикова. Ред. вступ. ст. и коммент. П. Н. Беркова, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 522—523 и 535.

[14] В. Н. Всеволодский-Гернгросс. 1) Когда был написан «Бригадир»? — Известия АН, ОЛЯ, т. XV, вып. 5, 1956, стр. 460—463; 2) Фонвизин-драматург. М., 1960, стр. 33—37.